СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIV, № 2.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

19 ОКТЯБРЯ 1892 ГОДА.

ОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ. Чтеніе К. Н. Бестужева-Рюмина.

ПАМЯТИ П. А. ПЛЕТНЕВА. Чтеніе Л. Н. Майкова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
3
1892.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1892 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 года вице-президентомъ Академіи, предсѣдательствующемъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.

На соисканіе Пушкинскихъ премій въ настоящемъ году представлены были: собраніе повѣстей въ прозѣ, три сборника стихотвореній и два стихотворные перевода драматическихъ произведеній. Такъ какъ два изъ помянутыхъ сборниковъ стихотвореній, какъ не напечатанные, не удовлетворяли одному изъ правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, то они были возвращены авторамъ.

Разсмотрѣніе двухъ изъ остальныхъ трудовъ приняли на себя члены Отдѣленія: А. Н. Веселовскій и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; затѣмъ къ участію въ оцѣнкѣ поступившихъ на премію произведеній приглашены были: Я. П. Полонскій и профессоръ Московскаго университета Н. И. Стороженко.

По полученіи въ установленный срокъ рецензій отъ названныхъ лицъ, образована была, согласно съ правилами, комиссія, въ которую сверхъ дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія приглашены были члены-корреспонденты Академіи: гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Н. Майковъ и Я. П. Полонскій.

По прочтеніи въ этой комиссіи представленныхъ рецензентами критическихъ разборовъ и по внимательномъ обсужденіи ихъ произведена была баллотировка, вслѣдствіе которой комиссія нашла справедливымъ присудить поощрительную пушкинскую премію въ 300 руб. Л. И. Поливанову за его стихотворный переводъ трагедіи Расина «Гоѳолія». О немъ профессоръ Стороженко далъ слѣдующій отзывъ:

ГОѲОЛІЯ (ATHALIE), ТРАГЕДІЯ РАСИНА, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА ЛЬВА ПОЛИВАНОВА. МОСКВА 1892.

Г. Поливановъ извѣстенъ въ русской литературѣ, кромѣ своихъ многочисленныхъ пособій по русскому языку, превосходнымъ школьнымъ изданіемъ Пушкина и обширной монографіей о Жуковскомъ. Въ настоящемъ своемъ трудѣ, представленномъ на премію имени Пушкина, г. Поливановъ выступаетъ въ новой роли стихотворнаго переводчика одной изъ самыхъ знаменитыхъ трагедій Расина. Большой поклонникъ французской ложно-классической трагедіи, глубоко убѣжденный въ ея выдающихся художественныхъ достоинствахъ и высокомъ нравственномъ значеніи, г. Поливановъ задумалъ дать русской публикѣ переводы лучшихъ образцовъ этой трагедіи. Онъ началъ съ Аталии Расина, за которой вскорѣ послѣдуютъ переводы нѣкоторыхъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера.

Давно миновало то время, когда французская трагедія XVII и XVIII в. считалась идеаломъ драматическаго искусства, когда она возбуждала шумные восторги на всѣхъ сценахъ Европы и массу подражаній на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Теперь на нее смотрятъ, какъ на отжившій типъ драмы, который, будучи продуктомъ извѣстныхъ литературныхъ и соціальныхъ условій, далъ все, что могъ дать, и, отпраздновавъ свою годину славы и успѣховъ, отошелъ въ область исторіи литературы. Только изрѣдка какой-нибудь выдающійся артистъ или артистка дѣлаютъ попытку возобновить то ту, то другую трагедію Корнеля или Расина (относительно Вольтера такихъ попытокъ, сколько намъ извѣстно, даже не дѣлается), но это искусственное оживленіе длится недолго: пьеса смотрится не столько ради ея самой, сколько ради игры артистовъ, играющихъ въ ней главныя роли, и предусмотрительно снимается съ репертуара, лишь только любимый публикой артистъ или артистка по какимъ бы то ни было

обстоятельствамъ перестаютъ выступать въ ней. Г. Поливановъ находитъ такое отношеніе къ цѣлой поэтической школѣ крайне несправедливымъ. «Французская трагедія—говоритъ онъ въ предисловіи — заключаетъ въ себѣ достаточно элементовъ красоты и поэтической правды, чтобы наше время не имѣло права высокомѣрно отворачиваться отъ нея. Недаромъ Пушкинъ, понимавшій какъ нельзя лучше ея ложные пріемы, высказалъ, что наряду съ Кальдерономъ и Шекспиромъ «Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ». Идеи, одушевлявшія французскихъ классиковъ, заключаютъ въ себѣ многое, что будетъ навсегда составлять украшеніе человѣка, какъ существа нравственнаго. Отражая преходящія идеи времени, французская трагедія вмѣстѣ съ нимъ блещетъ истинами общечеловѣческими и вѣчными.... Стараясь быть, насколько умѣла, вѣрною природѣ, она стремилась облагораживать человѣческую душу.... Не нужно забывать, что въ нее вложили свою душу лучшіе люди времени, примыкавшіе къ современному обществу лишь отчасти и соединявшіе въ себѣ силы высокой цивилизаціи. Въ этомъ разгадка того могучаго вліянія, которое она оказала почти на всѣ страны Европы... Не отрицая справедливости общеизвѣстныхъ упрековъ французской трагедіи, я думаю, что останавливаться только на этихъ упрекахъ и повторять ихъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ этихъ трагедіяхъ — пора бы и перестать. Не пора-ли русскому читателю взглянуть болѣе безпристрастно на одно изъ высокихъ явленій европейской поэзіи?» Г. Поливановъ былъ бы совершенно правъ, если бы охлажденіе къ французской трагедіи было результатомъ несправедливости или предразсудка. На самомъ дѣлѣ вопросъ стоитъ нѣсколько иначе. Тѣ побужденія, которыя нѣкогда заставляли Лессинга быть слишкомъ строгимъ къ французской трагедіи, давно не существуютъ въ самой Германіи. Ничто не мѣшаетъ намъ признать, что французская трагедія заключаетъ въ себѣ много истинной поэзіи, что она удовлетворяетъ неуми-

рающей потребности идеализма, которой по-своему удовлетворяютъ и другія поэтическія формы, но современная критика находитъ, что всего этого недостаточно. Воспитанная на произведеніяхъ Шекспира, Шиллера и др. критика считаетъ себя вправѣ предъявить къ драмѣ другія требованія. Она отправляется отъ того положенія, что трагедія есть не только поэтическое, но и драматическое произведеніе, что драма, какъ особый родъ поэзіи, преслѣдуетъ свои собственныя цѣли и имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя средства для достиженія этихъ цѣлей. Пьеса можетъ быть хороша какъ поэтическое произведеніе, можетъ быть написана прекраснымъ стихомъ, богата возвышенными идеями и благородными чувствами, и при всемъ томъ лишена драматическихъ характеровъ, драматическаго движенія и даже скучна на сценѣ. Самъ г. Поливановъ, защищая французскую трагедію, защищаетъ ее не какъ драму, а какъ поэтическое произведеніе вообще. Распространяясь объ универсальности ея мотивовъ и о благотворномъ нравственномъ воздѣйствіи ея на публику, онъ не говоритъ ни слова объ ея чисто-драматическихъ достоинствахъ. Правда, онъ ссылается на авторитетное мнѣніе Пушкина, но эта ссылка оказывается обоюдуострой, ибо хотя Пушкинъ и восхищается Корнелемъ и Расиномъ, но это восхищеніе имѣло у него чисто платоническій характеръ и не оказало ни малѣйшаго вліянія на его собственную драматическую дѣятельность. Задумавъ историческую трагедію изъ эпохи Бориса Годунова, Пушкинъ беретъ себѣ за образецъ не французскихъ трагиковъ, а Шекспира и высказываетъ твердую увѣренность, что «нашему театру приличны народные законы Шекспировой драмы, а не свѣтскій обычай трагедій Расина». Предпочтеніе это объясняется тѣмъ, что только у Шекспира онъ нашелъ правду въ изображеніи характеровъ и драматическихъ положеній и настоящій драматическій діалогъ — достоинства которыя онъ считалъ истинными законами трагедіи [1]). Отъ

---

[1]) ... Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations .... La vraisemblance des

зоркаго взгляда нашего поэта, конечно, не ускользнуло, что большинство характеровъ у Корнеля и Расина скорѣе профили, чѣмъ физіономіи, что они освѣщены только съ одной стороны, со стороны обуревающей ихъ страсти, тогда какъ у Шекспира передъ нами выступаетъ весь человѣкъ, во всей сложности своей психической жизни, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Пушкинъ въ своей трагедіи, по его собственному выраженію «подражалъ Шекспиру въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ». Равнымъ образомъ чуткую художественную натуру Пушкина не могла не поразить фальшь расиновскаго діалога, которую онъ объяснялъ тѣмъ, что придворный поэтъ считалъ себя менѣе образованнымъ, чѣмъ слушавшая его публика и что вслѣдствіе этого онъ «не могъ предаваться вольно и смѣло своимъ вымысламъ, но старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію. Отсюда робкая чопорность и смѣшная надутость и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія странный нечеловѣческій способъ изъясненія. У Расина напримѣръ Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux je vous verrai, madame» [1]). Положимъ, что нашъ поэтъ ошибался, объясняя утонченный стиль Расина тѣмъ, что французскій драматургъ считалъ себя по образованію ниже своей придворной аудиторіи, но тѣмъ не менѣе искусственность драматической дикціи Расина указана Пушкинымъ съ замѣчательной проницательностью и силой. Дѣйствительно, эпоха Людовика XIV въ связи съ предписаніями ложно-классической теоріи драмы оказала весьма пагубное вліяніе на драматическій талантъ Расина. Не чувствуя себя въ силахъ бороться съ господствующимъ теченіемъ и увлечь публику за собой, какъ это сдѣлалъ его предшественникъ Корнель своимъ Сидомъ, Расинъ, по своей

---

situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. (Изъ письма Пушкина по поводу Бориса Годунова).

[1]) См. набросокъ Пушкина о драмѣ, помѣщенный въ полномъ собраніи его сочиненій.

мягкой природѣ мало способный къ борьбѣ, предпочелъ идти по торной дорогѣ успѣха, заранѣе обезпеченнаго тому, кто умѣлъ лучше принаровиться ко вкусамъ придворной среды и ея державнаго повелителя. Вліяніемъ ложно-классической теоріи объясняются съ одной стороны хоры, соблюденіе единствъ и стройность плана въ трагедіяхъ Расина, простотой своей постройки напоминающихъ греческія трагедіи, съ другой отсутствіе сложной интриги, скудость драматическаго движенія и эффектныхъ сценъ. Вліяніемъ придворныхъ нравовъ объясняется отсутствіе художественной правды въ расиновскихъ характерахъ и индивидуальности въ ихъ діалогахъ, которые всѣ на одинъ ладъ и болѣе походятъ на ораторскія тирады, чѣмъ на драматическіе діалоги. Замѣчательно, что это отсутствіе художественной и исторической правды въ характерахъ, созданныхъ Расиномъ, бросалось въ глаза даже его современникамъ. Сегрѐ (Segrais) разсказываетъ, что когда онъ сидѣлъ на представленіи Баязета рядомъ съ Корнелемъ, то послѣдній шепнулъ ему на ухо, что во всей пьесѣ Расина нѣтъ ни одного лица, которое обладало бы чувствами, свойственными изображаемой эпохѣ, что, не смотря на свою турецкую одежду, всѣ они говорятъ и чувствуютъ, какъ настоящіе французы. Сказанное о Баязетѣ примѣняется въ большей или меньшей степени и къ остальнымъ трагедіямъ Расина. Критики исторической школы, цѣнящіе художественныя произведенія постольку, поскольку въ нихъ отражается современная жизнь, какъ, напримѣръ, Тэнъ въ своемъ блестящемъ этюдѣ о Расинѣ, восхищаются этимъ свойствомъ его произведеній и увѣряютъ, что правдивое отраженіе современной жизни въ трагедіяхъ Расина даетъ имъ особое право на вниманіе историка, что этимъ свойствомъ условливается ихъ высокое культурное значеніе, ибо рисуя античныхъ героевъ, Расинъ въ сущности рисовалъ придворныхъ Людовика XIV. Но культурное значеніе трагедій Расина не можетъ искупить собою ихъ художественную фальшь, которая прорывается на каждомъ шагу, главнымъ образомъ, въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ и благодаря ко-

торой эти послѣднія не могутъ произвести иллюзіи въ зрителяхъ. Несмотря на то, что герои трагедій Расина берутся изъ разныхъ народностей и эпохъ, всѣ они говорятъ одинаково изящнымъ и утонченнымъ языкомъ двора и салоновъ. Даже буря страсти, бушующая въ ихъ сердцахъ, ничѣмъ не выражается въ ихъ рѣчахъ, всегда полныхъ достоинства, выдержки и изящества. Самъ Расинъ въ предисловіи къ Береникѣ считаетъ характеристической чертой своего стиля изящество выраженія (l'élégance de l'expression). Реформа трагедіи, произведенная Расиномъ, не состояла только въ углубленіи психологическаго анализа, замѣнѣ героическаго паѳоса — паѳосомъ любовнымъ и героическихъ характеровъ Корнеля — античными селадонами на сладкомъ соусѣ (à la sauce douce), какъ выразился Перрô (Perrault), но и въ томъ, что онъ систематически избѣгалъ простыхъ и тривіальныхъ выраженій и заставлялъ своихъ героевъ говорить изящнымъ и благороднымъ языкомъ, который ложно-классическая теорія считала необходимой принадлежностью трагедіи. Раздѣляя взгляды этой теоріи, Расинъ, въ качествѣ придворнаго поэта, не могъ допустить, чтобы выступавшія въ его пьесахъ особы царственнаго происхожденія могли унижать свое достоинство не только некрасивымъ поступкомъ, но даже неизящнымъ выраженіемъ. Вотъ почему свирѣпый и развратный Неронъ говоритъ съ Юліей какъ самый галантный кавалеръ; грозный властитель востока Митридатъ воркуетъ съ Монимой какъ Селадонъ въ Астреѣ Оноре д'Юрфè и, оставляя ее, извиняется тѣмъ, что ему нужно передъ походомъ tenter la complaisance своихъ солдатъ; Ифигенія, въ виду угрожающей ей смерти, не обнаруживаетъ естественнаго страха, потому что страхъ унизилъ бы ея царственное достоинство, и обращается съ Агамемнономъ не какъ съ отцомъ, а какъ съ монархомъ, которому она всегда сочтетъ за счастье принести въ жертву собственную жизнь; Федра, дочь Миноса и Пазифаи, внучка бога Солнца, выражаетъ Ипполиту свои чувства такъ цѣломудренно и стыдливо, какъ выражала ихъ быть можетъ Лавальеръ самому Людовику

XIV [1]). Такъ какъ царственное достоинство Федры не дозволяло придворному драматургу приписать ей планъ оклеветать Ипполита передъ отцомъ, то Расинъ приписалъ этотъ планъ ея кормилицѣ, женщинѣ низменнаго происхожденія, которой, по мнѣнію поэта, были болѣе свойственны низкія наклонности [2]). Подобныхъ примѣровъ нарушенія художественной правды въ поступкахъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ можно бы привести гораздо больше, но и приведенныхъ, полагаемъ, достаточно, чтобъ видѣть, до какой степени художественная совѣсть французскаго трагика была стѣснена соображеніями, имѣющими очень мало общаго съ искусствомъ. Находясь съ одной стороны подъ вліяніемъ господствовавшей ложно-классической теоріи, съ другой — подъ гнетомъ своего придворнаго положенія, Расинъ не могъ дать полнаго простора ни своей наблюдательности, ни своей фантазіи и принужденъ былъ двигаться въ заранѣе установленныхъ рамкахъ. Если мы прибавимъ къ этому скудость драматическаго движенія, отсутствіе типичности въ характерахъ, чуждые современной драмѣ хоры и безцвѣтныя роли наперсниковъ, то легко поймемъ, почему къ трагедіямъ Расина особенно охладѣли въ наше время, когда вопросы происхожденія имѣютъ очень мало значенія въ самой жизни, когда въ драматическихъ произведеніяхъ наиболѣе цѣнятся драматическое движеніе, сценичность, художественная правда характеровъ и естественность драматическаго діалога.

Трагедія Расина, избранная г. Поливановымъ, для пере-

---

[1]) Здѣсь кстати вспомнить драгоцѣнныя слова, сказанныя о Расинѣ Лессингомъ въ его Драматургіи: «Пусть настоящія королевы говорятъ сколько имъ угодно утонченнымъ и аффектированнымъ языкомъ, но королевы, созданныя поэтомъ, должны говорить языкомъ естественнымъ, ибо нѣтъ ничего достойнѣе человѣка какъ природа и правда».

[2]) «J'ai cru — говоритъ Расинъ въ предисловіи къ Федрѣ — que la calomnie avait quelque chose de trop bas et de trop noir pour la mettre dans la bouche d'une princesse, qui a d'ailleurs des sentiments si nobles et si vertueux. Cette bassesse m'a paru plus convenable à une nourrice, qui pouvait avoir des inclinations plus serviles et qui néanmoins n'entreprend cette fausse accusation que pour sauver la vie et l'honneur de sa maîtresse».

вода на русскій языкъ, считается, какъ извѣстно, перломъ его драматическаго творчества. Обладая нѣкоторыми выдающимися достоинствами, она въ то же время свободна отъ многихъ недостатковъ, пестрящихъ собой трагедіи Расина; она построена по прекрасно составленному плану; дикція ея естественна; библейскій колоритъ строго выдержанъ отъ начала до конца; характеры, хотя и схваченные съ одной только стороны, очерчены смѣлой и вѣрной кистью, но при всемъ томъ разсматриваемая, какъ произведеніе драматическое, предназначенное для представленія на сценѣ, Аталія имѣетъ гораздо менѣе шансовъ на успѣхъ въ наше время, чѣмъ Андромаха или Митридатъ, не говоря уже о Федрѣ. Это объясняется тѣмъ, что драматическаго движенія въ ней мало; герои больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ, а эффектныхъ въ сценическомъ отношеніи сценъ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ развѣ сцены вѣнчанія Іоаса на царство. По своему внутреннему характеру Аталія скорѣе напоминаетъ собою мистерію, чѣмъ драму; дѣйствіе въ ней болѣе опредѣляется Божіимъ промысломъ, чѣмъ развивается изъ характеровъ героевъ по законамъ драматической логики. Въ первомъ актѣ Іодай молится, чтобы Богъ смутилъ злые замыслы Аталіи, навелъ на ея разумъ ослѣпленіе. И молитва его услышана: во всѣхъ остальныхъ актахъ Аталія дѣйствуетъ такъ, какъ это нужно Іодаю для выполненія своихъ замысловъ, а въ послѣднемъ ослѣпленіе ея доходитъ до поразительной степени, ибо вмѣсто того, чтобъ велѣть привести къ себѣ Іоаса, она, по совѣту Авенира, входитъ въ Соломоновъ храмъ съ небольшой свитой и, разумѣется погибаетъ подъ ударами левитовъ, восклицая: «Виновникъ Ты всему, немилосердый Богъ!» Заключеніе драмы еще болѣе чудесно. Достаточно было левитамъ затрубить въ трубы и возвѣстить народу о воцареніи Іоаса, чтобы все войско Аталіи побрасало оружіе и обратилось въ бѣгство, чудо, котораго даже нѣтъ въ Библіи и которое Расинъ прибавилъ отъ себя. Обращаясь къ характеру героини, замѣтимъ, что паѳосъ мести, одушевляющій библейскую царицу, которая истребляетъ своихъ собственныхъ внуковъ,

чтобъ отомстить роду Давидову за истребленіе своихъ родителей и братьевъ, совершенно непонятенъ современному зрителю, которому нужно доказывать съ Библіей въ рукахъ, что подобныя чудовища могли существовать. Поэтому мы думаемъ, что всякая попытка поставить Аталію на сцену почти навѣрное осуждена на безплодіе, тѣмъ болѣе, что и для актрисы, играющей роль героини, роль эта не представляется особенно благодарной. (Въ первомъ, третьемъ и четвертомъ актѣ Аталія совсѣмъ не дѣйствуетъ). Но если разсматривать Аталію не какъ драму, но какъ поэтическое произведеніе вообще, то нужно сознаться, что она отличается многими выдающимися поэтическими достоинствами, что хоры ея исполнены высокаго лиризма, что самый стихъ ея, звучный, точный и изящный, недаромъ приводитъ въ восторгъ поклонниковъ поэтической формы.

Задумавъ дать русской публикѣ переводъ Аталіи размѣромъ подлинника, г. Поливановъ отнесся къ своей задачѣ съ рѣдкой добросовѣстностью. Онъ предпослалъ пьесѣ переводъ извѣстной статьи Фагѐ о Расинѣ и его обстоятельный разборъ Аталіи, перевелъ въ сокращеніи отзывы объ Аталіи С. Бэва, Дешанеля и Лотгейзена и статью новѣйшаго издателя произведеній Расина Поля Менара, излагающую судьбу Аталіи на французской сценѣ и въ критикѣ [1]), и въ заключеніе далъ намъ собственное обширное изслѣдованіе о русскомъ александрійскомъ стихѣ, гдѣ прослѣдилъ исторію этого стиха отъ Тредьяковскаго до Майкова и Полонскаго. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ переводчика, что содержаніе французскихъ классическихъ трагедій до такой степени неразрывно связано съ формой александрійскаго стиха, что ихъ нужно переводить только этимъ стихомъ, мы очень сожалѣемъ, что г. Поливановъ не взялъ вопроса шире и не выяснилъ, насколько александрійскій стихъ вообще

---

[1]) Изъ изданія Менара (въ коллекціи Les Grands Écrivains de la France) г. Поливановъ заимствовалъ подстрочныя примѣчанія, въ значительной степени помогающія уразумѣть текстъ и разъясняющія способъ работы Расина.

пригоденъ для драматическихъ произведеній. Шиллеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гэте прекрасно показалъ, что александрійскій стихъ по своей строго-правильной куплетной формѣ долженъ былъ сильно стѣснять фантазію поэта, что благодаря ему драматическая дикція французской трагедіи много потеряла своей простоты и естественности, будучи уложена въ это прокрустово ложе [1]). Усвоивъ себѣ александрійскій стихъ, французскіе трагики связали себя, такъ сказать, по рукамъ и ногамъ; въ ихъ пьесахъ не форма должна была приноравляться къ содержанію, а содержаніе къ формѣ; вслѣдствіе этого самый діалогъ сдѣлался условнѣе, искусственнѣе, сталъ производить меньше иллюзіи въ зрителѣ, которому трудно было представить, чтобъ человѣкъ въ минуту страсти, владѣющей всѣмъ существомъ его, могъ думать о томъ, чтобы раздѣлить каждый стихъ на двѣ равныя части цезурой и заключить свою рѣчь эффектнымъ двустишіемъ. Правда, поэты придумали выходъ изъ этого затрудненія, допустивъ такъ называемое Enjambement, т. е. перенесеніе неоконченнаго предложенія изъ одного стиха въ начало слѣдующаго, но самъ г. Поливановъ говорилъ, что въ классическомъ стихѣ XVII в. употребленіе enjambement было стѣснено до крайнихъ предѣловъ.

Въ своемъ переводѣ трагедіи Расина, г. Поливановъ руководился, по его собственнымъ словамъ, слѣдующими основаніями: «переводъ долженъ быть близокъ къ подлиннику настолько, насколько это возможно въ риѳмованномъ переводѣ. При этомъ желательно сохранять не только мысли подлинника и его образы, но и движеніе рѣчи (теченіе періода, перехода къ отрывистой рѣчи, параллелизмъ двустишій). Такъ какъ Расинъ писалъ свою библейскую трагедію, во многихъ мѣстахъ намѣренно приближаясь къ языку Библіи, то русскій переводчикъ долженъ въ надлежащей мѣрѣ отразить въ языкѣ русскаго перевода этихъ мѣстъ языкъ Библіи славянской». Въ общемъ переводчикъ

---

[1]) Отрывокъ изъ этого письма приведенъ между прочимъ въ книгѣ Робера La Poétique de Racine. Paris 1891, p. 327.

сдержалъ свое слово. Переводъ его за немногими исключеніями весьма близокъ къ подлиннику, сдѣланъ хорошимъ стихомъ и весьма удачно воспроизводитъ поэтическую манеру и библейскій колоритъ подлинника. Если иногда плавный, сильный и благоухающій поэзіей стихъ Расина утрачиваетъ свой букетъ въ русской передачѣ, то нельзя строго винить за это начинающаго переводчика. Нужно имѣть талантъ Пушкина или Лермонтова, чтобы успѣшно состязаться съ такимъ виртуозомъ формы, какъ Расинъ. Но отдавая должную справедливость стараніямъ переводчика, много и съ любовью трудившагося надъ своимъ дѣломъ, считаемъ долгомъ отмѣтить въ его переводѣ всѣ тѣ мѣста, которыя по нашему мнѣнію не удались ему.

Въ первомъ актѣ (сцена I), не будучи въ состояніи справиться съ риѳмой, переводчикъ вынужденъ былъ два стиха подлинника:

Du milieu de mon peuple exterminer les crimes
Et vous viendrez alors m'immoler mes victimes.

перевести по русски четырьмя стихами:

Немедля изъ среды народа моего
Исторгните то зло, которое его
Жестоко недугомъ тлетворнымъ заражаетъ:
Тогда на алтарѣ пусть жертва Мнѣ пылаетъ (стр. 6).

Въ слѣдующей сценѣ того же акта вмѣсто двухъ стиховъ подлинника:

Montrons ce jeune roi, que vos mains ont sauvé
Sous l'aile du Seigneur dans le temple élevé.

мы находимъ въ переводѣ цѣлыхъ пять стиховъ (стр. 11), чѣмъ конечно нарушается лапидарная краткость Расиновой дикціи. Въ той же сценѣ на вопросъ Іосавефъ, знаетъ-ли Іоасъ свое настоящее имя? Іодай отвѣчаетъ:

Il ne répond encore qu'au nom d'Eliacin

Въ русскомъ переводѣ этотъ отвѣтъ не совсѣмъ ясенъ:

Доселѣ узнавалъ себя онъ въ Эльякимѣ (стр. 11).

Въ той же сценѣ Іодасъ говоритъ женѣ съ упрекомъ:

Déjà votre *foi* s'affaiblit?

Этотъ упрекъ въ недостаткѣ вѣры, такъ характерный въ устахъ первосвященника, переводчикъ почему-то замѣнилъ упрекомъ въ недостаткѣ надежды:

Ужели дрогнула *надежда* у тебя? (стр. 12).

Въ первой сценѣ второго акта встрѣчаются въ словахъ Захарія два довольно неуклюжіе стиха:

Отецъ мой *воздвигалъ кровавыми руками*
Утробы мирныхъ жертвъ, дымившихся предъ нами (стр. 21).

Въ томъ же актѣ (сцена VII) читаемъ:

Cet âge est innocent. Son ingénuité
N'altère point encore la simple vérité.

т. е. это невинный возрастъ. Его наивность еще не научилась искажать простую истину. Г. Поливановъ перевелъ эти два стиха весьма неточно:

Невинны дѣти, да. *Но это не мѣшаетъ:*
Простыя истины себя имъ открываютъ (стр. 31).

Въ той же сценѣ слова юнаго Іоаса, что, стоя у алтаря, онъ слушаетъ, какъ хоръ своими пѣснями прославляетъ безконечное величіе Бога:

J'entends chanter de Dieu les grandeurs infinies

переданы по русски въ довольно неясной формѣ:

Иль *безконечныхъ Силъ* хваленію внимать (стр. 34).

Здѣсь замѣна Бога какими-то безконечными силами неудачна.

Въ пѣсняхъ хора, заключающихъ этотъ актъ, одной изъ пѣсенъ приданъ тотъ смыслъ, который она не имѣетъ въ подлинникѣ:

Que vous sert—disent-ils—cette vertu sauvage?
De tant de plaisirs si doux
Pourquoi fuyer vous l'usage?
Votre Dieu ne fait rien pour vous.

Т. е. что пользы въ вашей суровой добродѣтели? Зачѣмъ избѣгаете вы сладкихъ утѣхъ жизни? Вѣдь вашъ Богъ все равно ничего не дѣлаетъ для васъ.

Въ переводѣ г. Поливанова приведенное мѣсто читается такъ:

Рекутъ: «къ чему вся доблесть эта?
Зачѣмъ чуждаетесь вы насъ
И всѣхъ отрадъ живого свѣта?
Что Богъ вашъ даровалъ для васъ? (стр. 41).

Въ третьемъ актѣ (сц. III) слѣдуетъ отмѣтить два неловкихъ стиха, которые, по нашему мнѣнію, неудобно произнести со сцены:

Но вотъ — подкидышъ-ли, показанный ей, тотъ
Въ душѣ ей произвелъ такой переворотъ (стр. 44).

Въ VIII сценѣ того же акта невѣрно переведенъ одинъ стихъ въ рѣчи Саломиѳъ. Бесѣдуя съ хоромъ юныхъ дѣвъ, напуганныхъ звономъ оружія и тщетно старающихся угадать, къ чему это всѣ вооружаются, Саломиѳъ увѣряетъ ихъ, что это дѣлается по слову самого Бога:

Le Seigneur a daigné parler,
Mais ce qu'à *son prophète il vient de révéler*
Qui pourra nous le faire entendre?

Т. е. кто возвѣститъ намъ тайну, открытую Имъ пророку?

Г. Поливановъ переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

Господень гласъ намъ здѣсь вѣщалъ,
Но тайны, что *пророкъ его разоблачалъ*,
Кѣмъ могутъ быть для насъ открыты? (стр. 59).

Благодаря невѣрному переводу второго стиха, третій стихъ является у г. Поливанова совершенно излишнимъ, ибо если пророкъ разоблачилъ тайну, открытую ему Богомъ, то нечего спрашивать, кѣмъ можетъ быть открыта для насъ эта тайна?

Въ той же сценѣ въ отвѣтѣ хора мы наталкиваемся на такой стихъ:

Гласъ обѣта! страхъ угрозъ! *тайны тучи!*

Такъ какъ въ подлинникѣ стоитъ *o ténébreux mystère!* о мрачная тайна! то очевидно, что *тайны тучи* явились сюда только для того, чтобъ служить риѳмой для выраженія *гнѣвъ могучій*.

Тщательнѣе другихъ переведенъ г. Поливановымъ четвертый актъ; здѣсь мы могли отыскать только одно мѣсто (въ сценѣ IV, въ рѣчи Іодая), которое передано неточно. Вмѣсто того, чтобъ сказать: чьи души погружены въ такой позорный сонъ? (lâche sommeil), переводчикъ употребляетъ выраженіе:

И чьи же души такъ *усыплены отравой*? (стр. 66).

Въ пятомъ актѣ (сц. II) въ разговорѣ Іодая съ Авениромъ г. Поливановъ неудачно замѣнилъ энергическое выраженіе Авенира, что его жизнь должна была бы давно прекратиться отъ скорби пережить своихъ царей, довольно тусклымъ стихомъ:

Въ тоскѣ по сѣмени царей моей отчизны (стр. 77)

Нельзя также не протестовать энергически противъ слѣдующаго неудачнаго стиха въ словахъ Аталіи Іодаю:

Измѣнникъ! на него обманъ пусть *грянетъ* твой! (стр. 84),

тогда какъ въ подлинникѣ угроза Аталіи звучитъ весьма сильно и красиво:

Ta fourbe à cet enfant, traître, sera funeste!

т. е. Измѣнникъ! твои плутни будутъ гибельны для этого ребенка.

Вмѣсто того, чтобъ сказать, что волею Божьей мы окружены со всѣхъ сторонъ, г. Поливановъ употребляетъ довольно низменное и неловкое выраженіе:

Ужь мы со всѣхъ сторонъ во власти Провидѣнья (стр. 84).

Къ недостаткамъ перевода г. Поливанова нужно отнести употребленіе (впрочемъ довольно рѣдкое) тривіальныхъ и простонародныхъ выраженій въ родѣ слѣдующихъ: И за родителей *исправно* отомстилъ; *посмѣвается* твердынѣ мѣдныхъ вратъ; до слуха я царей *добраться* пожелалъ и т. п. Подобныя выраженія неумѣстны въ произведеніи, написанномъ въ строгомъ и даже нѣсколько торжественномъ стилѣ, и Расинъ тщательно избѣгалъ ихъ.

Мы отмѣтили всѣ бросившіеся намъ въ глаза промахи и неловкости въ переводѣ Аталіи. Если принять въ расчетъ требованіе риѳмы и трудность справляться съ французскими александринами, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что эти сравнительно немногочисленныя погрѣшности съ избыткомъ вознаграждаются положительными достоинствами перевода г. Поливанова. Чтобъ нагляднѣе судить объ этихъ достоинствахъ — приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ перевода Аталіи, которые намъ показались особенно удачными. Вотъ, напримѣръ, пѣснь хора изъ перваго акта, переводъ которой представляетъ не малыя трудности, ибо риѳмы въ ней отличаются большимъ разнообразіемъ.

Его величія исполнено творенье:
Преклонимся жъ предъ Нимъ и будемъ призывать!
Владычество Его старѣй временъ рожденья,
Его-ль не прославлять?

Голосъ (одинъ).

Враговъ его велѣнье
Не можетъ воспретить народу пѣть хваленья:
Не станетъ онъ молчать!
День возвѣщаетъ дню хвалу Его правленья;
Величія Его исполнено творенье:
Его-ль не воспѣвать?

Хоръ (повторяетъ).

Величія Его исполнено творенье:
Его-ль не воспѣвать?

Голосъ (одинъ).

Цвѣты Онъ красками живыми украшаетъ,
Раститъ плоды полей,
И имъ распредѣляетъ
Прохладу ночи Онъ и теплый воздухъ дней.

Приведемъ еще отрывокъ изъ сна Аталіи, изъ котораго видно, какъ хорошо усвоилъ себѣ переводчикъ александрійскій стихъ:

...Средь ужаса ночной глубокой тишины
Вдругъ мать Іезавель глазамъ моимъ предстала:
Какъ въ свой послѣдній день красой одеждъ сіяла;
Лицо хранило блескъ и притираній тѣхъ,
Которыми она старалась скрыть успѣхъ
Неумолимыхъ лѣтъ надъ рѣдкой красотою...
И стала говорить Іезавель со мною.
«Вострепещи, о дочь, достойная меня!
«О дочь несчастная, тебя жалѣю я, —
«Сказала душу мнѣ всю холодомъ обвѣявъ:
«Сразитъ тебя, сразитъ Богъ грозный Іудеевъ!»
За этимъ — надо мной склоняться стала мать.
Простерла руки я, чтобъ тѣнь ея обнять...

И что же нахожу? Лишь мерзкое смѣшенье
Распавшихся костей и членовъ въ смрадномъ тлѣньѣ,
Влачащихся въ грязи кровавыхъ лоскутковъ,
И тѣла мертваго растерзанныхъ кусковъ.
Ихъ пожирали псы, зубами разрывая,
И грызлись изъ-за нихъ другъ съ другомъ въ бой вступая и т. д.

Хотя мы далеко не раздѣляемъ восторженнаго удивленія переводчика къ Аталіи Расина, но готовы признать, что она отличается выдающимися поэтическими красотами, а какъ одинъ изъ самыхъ типическихъ продуктовъ нѣкогда славной поэтической школы, оказавшей громадное вліяніе на европейскую литературу, безспорно заслуживаетъ перевода на русскій языкъ. Но кромѣ значенія литературнаго, переводъ Аталіи, сдѣланный г. Поливановымъ, имѣетъ значеніе педагогическое и можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для преподавателей русской литературы, когда имъ приходится дѣлать характеристику французской ложноклассической трагедіи. На основаніи всего вышесказаннаго и принимая въ расчетъ большія трудности при переводѣ трагедіи Расина размѣромъ подлинника, трудности въ большинствѣ случаевъ счастливо побѣжденныя переводчикомъ, считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о награжденіи г. Поливанова пушкинской преміей.

Отдѣленіе, выразивъ искреннюю благодарность литераторамъ, столь радушно изъявившимъ готовность раздѣлить труды Академіи въ разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсъ сочиненій, положило выдать золотыя пушкинскія медали Я. П. Полонскому и профессору Н. И. Стороженко.

Въ настоящемъ году исполнилось столѣтіе со времени рожденія двухъ изъ покойныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности,—князя П. А. Вяземскаго и П. А. Плетнева, родившихся: первый 12 іюля, а второй 10 августа 1792 года. Отдѣленіе, желая почтить память этихъ двухъ заслуженныхъ

писателей, опредѣлило посвятить чествованію ихъ часть сегодняшняго засѣданія, что́ представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что оба они были друзьями виновника нашихъ ежегодныхъ собраній 19-го октября.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Чтеніе ординарнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина.

«Я никогда и не думалъ сдѣлаться писателемъ: я писалъ, потому что писалось, потому что во мнѣ искрилось нѣчто такое, что требовало улетучиванія, просилось на волю и наружу». Этими словами характеризуетъ кн. Вяземскій свою дѣятельность, и надо признаться, что его характеристика очень удачна: не даромъ Гоголь называлъ его произведенія импровизаціями. Этотъ личный характеръ литературной дѣятельности кн. Вяземскаго придаетъ ей особое значеніе въ исторіи русской общественности: она является отраженіемъ цѣлой эпохи со всѣми ея характерными сторонами. Эпоха, въ которую выросъ и возмужалъ кн. Вяземскій и преданіямъ которой онъ остался вѣренъ всю свою жизнь — первыя тридцать лѣтъ настоящаго столѣтія. Тогда еще живы были преданія и славы Екатерининскихъ побѣдъ, и блестящей литературы ея времени, и утонченности французскихъ салоновъ; сама эта эпоха озарилась славою XII года и въ литературѣ выразилась Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ съ одной стороны, съ другой отмѣтилась въ исторіи преобразованіями начала царствованія Александра и «вольнолюбивыми мечтами» первой четверти вѣка. Высшимъ умственнымъ интересомъ жили тогда люди аристократическаго круга; къ этому кругу причислялись и важнѣйшіе изъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, принадлежавшіе къ нему или по своему рожденію или по положенію общественному. Изъ этого круга, а не изъ университетовъ или журнальныхъ кружковъ, выходили тогда и новыя идеи. Многіе изъ литераторовъ тогдашнихъ были

и журналистами (Карамзинъ, Жуковскій, самъ Вяземскій), но журналъ былъ для нихъ средствомъ передачи своихъ мыслей. Кругъ этотъ конечно не былъ многочисленъ, ибо образованныхъ людей было все-таки не много, но онъ не былъ и исключителенъ: сынъ мелкаго чиновника, Крыловъ, находилъ мѣсто не только въ аристократическихъ гостинныхъ, но и въ царскихъ палатахъ; многіе изъ членовъ его были въ близкихъ отношеніяхъ къ Погодину, сыну вольноотпущенника; кн. Вяземскій создалъ «Московскій Телеграфъ» съ купцомъ Полевымъ; Пушкинъ защищалъ этого самаго Полеваго противъ насмѣшекъ надъ его водочнымъ заводомъ, поднятыхъ совсѣмъ не аристократами. Разрывъ кн. Вяземскаго съ Полевымъ произошелъ вслѣдствіе нападеній Полеваго на литературныя преданія, дорогія первому. Та же причина положила преграду между представителями литературныхъ мнѣній двадцатыхъ годовъ и Бѣлинскимъ. Кн. Вяземскій являлся ревностнымъ поборникомъ преданій старой русской литературы и образованности своихъ молодыхъ лѣтъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ сужденіемъ объ этихъ преданіяхъ, на основаніи позднѣйшихъ взглядовъ. Онъ умѣлъ наслаждаться не только Державинымъ и Фонвизинымъ, но и Петровымъ; умѣлъ находить хорошія стороны и въ Сумароковѣ; еще строже относился онъ къ какому-либо порицанію Карамзина и Дмитріева. Его защита Дмитріева заставила еще Пушкина заподозрить, что онъ недостаточно цѣнитъ Крылова; но въ этомъ отношеніи Пушкинъ ошибался: юбилейная пѣснь Крылову, до которой не дожилъ Пушкинъ, вполнѣ оправдываетъ Вяземскаго. Въ Дмитріевѣ Вяземскій цѣнилъ его старосвѣтскую вѣжливость, что по-французски называется urbanité, слово по-русски непереводимое; цѣнилъ его остроуміе, и въ томъ и въ другомъ случаѣ Вяземскій былъ настоящимъ оцѣнщикомъ: остроуміе и свѣтская любезность слышатся постоянно во всѣхъ его произведеніяхъ. Защитникъ литературныхъ и общественныхъ преданій, Вяземскій нисколько не былъ врагомъ движенія впередъ: издавна онъ желалъ освобожденія крестьянъ и привѣт-

ствовалъ совершившійся фактъ; всю свою жизнь онъ стоялъ за смягченіе цензуры; онъ только желалъ справедливости къ прошедшему и жалѣлъ о томъ, что привлекательныя его стороны нерѣдко отходятъ въ область преданія вмѣстѣ съ его слабыми сторонами. Онъ ясно понималъ значеніе развитія. Вотъ, что говорилъ онъ въ 1862 г.:

Слѣдами путь свой обознача,
Эпоха каждая жила:
У каждой были цѣль, задача,
Грѣхи и добрыя дѣла.

и далѣе:

Вся жизнь въ приливѣ и отливѣ,
Посѣвъ и жатва чередой
Смѣняются на Божьей нивѣ
Подъ человѣческой рукой.

Кн. Вяземскій могъ бы спокойно подписаться подъ стихотвореніемъ Баратынскаго: «Предразсудокъ», гдѣ читаемъ:

Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надменный,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца.

Вотъ источникъ того горестнаго чувства, съ которымъ онъ смотрѣлъ на разстояніе, отдѣляющее въ русской жизни одно поколѣніе отъ другого, разстояніе, не существующее у другихъ цивилизованныхъ народовъ, болѣе ревностно хранящихъ преданія. Это чувство особенно сильно сказалось въ его извѣстныхъ стихахъ:

Нашъ міръ — имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье — наша быль,
И то̀, что пепелъ намъ священный —
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Дѣйствительно, Карамзина давно уже почти не читаютъ, хотя некѣмъ и нечѣмъ замѣнить его; Языковъ и Баратынскій забыты; Жуковскій и Батюшковъ мало извѣстны; едва было не вычеркнули изъ обихода и Пушкина. Вотъ почему Вяземскій постоянно старался указать на связь настоящаго съ прошедшимъ. Такъ возникшей въ 60-хъ годахъ обличительной литературѣ онъ указывалъ на предшественниковъ ея въ сатирическихъ писателяхъ, начиная съ Кантемира.

Въ своей автобіографіи кн. Вяземскій говоритъ: «Ввести жизнь въ литературу и литературу въ жизнь казалось мнѣ всегда привлекательною и желанною задачей». Его литературная дѣятельность является осуществленіемъ этого желанія: его очерки представляютъ живые эскизы лицъ и отношеній, какъ бы фотографію жизни; его стихотворенія по большей части выраженіе различныхъ его настроеній и отраженіе событій его жизни; съ другой стороны его критическіе опыты, его полемика и его эпиграммы и «Замѣтки», полемическія статьи въ стихахъ, какъ бы вводятъ литературу въ жизнь. Полемика занимаетъ видное мѣсто въ жизни и дѣятельности кн. Вяземскаго: она начинается его эпиграммами на кн. Шаховскаго и статьями «Журнальнаго Сыщика»[1]) (и даже ранѣе), а оканчивается «Замѣтками» и статьями противъ Бѣлинскаго, обличительной литературы и т. д. Въ своей полемикѣ кн. Вяземскій блеститъ остроуміемъ, поражаетъ знакомствомъ съ различными литературами; но не эта дѣятельность, занимавшая такъ много мѣста въ его жизни, обезпечиваетъ за нимъ прочное положеніе въ исторіи русской литературы. Болѣе значенія имѣютъ его этюды людей и общества прошедшаго времени. Обладая значительной наблюдательностію, тонкимъ остроуміемъ, обширною начитанностію, способностію схватить мысль, кн. Вяземскій самыми обстоятельствами своей жизни поставленъ былъ въ благопріятныя условія для той дѣятельности, которая тѣсно соединяется съ его именемъ. Принадлежа по рожденію къ аристократическому обществу, онъ получилъ доступъ во всѣ дома московскихъ, пе-

[1]) Псевдонимъ кн. Вяземскаго въ «Московскомъ Телеграфѣ».

тербургскихъ, варшавскихъ аристократовъ; а впослѣдствіи и въ царскіе чертоги и въ аристократическіе круги западной Европы. Имѣя случай лично наблюдать жизнь этого круга, онъ получилъ возможность изъ разсказовъ узнавать событія, предшествовавшія его рожденію. Но не только свѣтская жизнь занимала молодость кн. Вяземскаго: онъ родился въ домѣ интеллигентномъ: отецъ его былъ человѣкъ умный и образованный; его домашній кругъ составляли люди, преданные умственнымъ интересамъ или по крайней мѣрѣ не чуждые имъ. Еще въ дни своего дѣтства Вяземскій зналъ Нелединскаго, Карамзина, гр. Ростопчина, Дмитріева и др. Рано лишившись отца, онъ остался подъ попеченіемъ Карамзина, что, разумѣется, могло быть только плодотворнымъ для его развитія. Учился онъ частію дома, частію въ іезуитскомъ пансіонѣ; но не эти учебныя занятія,—хотя въ пансіонѣ онъ научился довольно по-латыни и хотя всю жизнь защищалъ свое іезуитское воспитаніе,—дали ему ту умственную подготовку, которая такъ окрасила его литературную дѣятельность. Подготовкою ему послужило обширное чтеніе, начатое еще въ избранной библіотекѣ отца и продолжавшееся всю жизнь. Иногда слишкомъ большое значеніе придается школѣ; но когда всмотришься въ жизнь замѣчательныхъ людей, тогда видишь, какъ много въ развитіи каждаго изъ нихъ значитъ обстановка и собственное чтеніе. Обученіе можетъ дать только больше или меньше орудій для дальнѣйшаго развитія. Карамзинъ, кн. Вяземскій, Пушкинъ свидѣтельствуютъ своимъ развитіемъ о томъ, какъ много значитъ самообразованіе. Школьные годы каждаго изъ нихъ были непродолжительны и развитіе каждаго зависѣло болѣе всего отъ чтенія. Чтеніе при соотвѣтствующей интеллигентной обстановкѣ дало и кн. Вяземскому возможность оставить по себѣ прочную память въ исторіи русской литературы. Важнѣйшею заслугою кн. Вяземскаго русской литературѣ являются его разсказы о прошломъ. Издатель его «Записной книжки» заявляетъ: «Многому изъ этихъ записныхъ книжекъ еще не наступило время для обнародованія, и это *многое* послужитъ со временемъ однимъ изъ важнѣйшихъ

источниковъ не только для біографіи кн. Вяземскаго, но и для исторіи русскаго общества и русскаго просвѣщенія». Несмотря однако на такую неполноту изданія, несмотря на то, что письма кн. Вяземскаго, которыя такъ высоко цѣнилъ Жуковскій, тоже еще не обнародованы, и то, что у насъ въ рукахъ, даетъ обильный матеріалъ историку русской общественности. Общество, которое рисуетъ намъ кн. Вяземскій, жило весело и беззаботно, но не забывало и умственныхъ интересовъ, а когда нужно было, высказывало патріотическое одушевленіе: оно дало и вождей и воиновъ «священной памяти двѣнадцатаго года», оно «блѣднѣло», по слову Пушкина, при «обидномъ словѣ Тильзитъ». Это общество не было однообразнымъ, люди его составлявшіе, носили оригинальную физіономію; но все это уживалось вмѣстѣ, все единилось общими правилами общежитія. Любопытно, что это общество, офранцуженное своимъ образованіемъ, оставалось въ глубинѣ души русскимъ. Были конечно и у этого общества недостатки и притомъ большіе; кн. Вяземскій старается не разъ показать, что Грибоѣдовъ былъ слишкомъ одностороненъ, что Фамусовъ, Скалозубъ, Загорецкій — явленія исключительныя, могли существовать только «въ закоулкахъ Москвы». Такого заявленія нельзя считать полной правдой: лица «Горя отъ ума» — лица живыя. Доказательствомъ можетъ служить то, что современники указывали, основательно ли или неосновательно, на ихъ прототипы; стало быть Грибоѣдовъ вѣрно попалъ. Многіе изъ его показаній подтверждаетъ самъ Вяземскій; напр. указываетъ на то, что театралъ Поздняковъ изображенъ въ разсказѣ Чацкаго о «Зефирахъ и амурахъ, распроданныхъ поодиночно»; тѣмъ не менѣе однако «Горе отъ ума» не полная картина общества 20-хъ годовъ: чего и нельзя требовать отъ комедіи. Несмотря на то, что въ разсказахъ кн. Вяземскаго свѣтъ преобладаетъ надъ тѣнями, его изображенія стараго времени все-таки большая заслуга передъ исторіей, которая можетъ смѣло опереться на его картины общества и портреты лицъ, конечно критически оцѣнивъ ихъ. На портреты онъ большой мастеръ: вспо-

мнимъ очерки Дмитріева, Ростопчина, Нелединскаго, кн. Козловскаго и множества другихъ. Необыкновенное остроуміе, умѣніе схватить въ немногихъ чертахъ весь характеръ человѣка, оригинальный языкъ придаютъ особую прелесть небрежнымъ, какъ бы набросаннымъ портретамъ кн. Вяземскаго. Тѣмъ же качествомъ отличается большое, можетъ быть единственное обработанное сочиненіе кн. Вяземскаго: «Фонвизинъ». Кн. Вяземскій, подобно французскимъ историкамъ литературы, считаетъ необходимымъ пояснять исторію литературы исторіей общества. Вслѣдствіе такого воззрѣнія его «Фонвизинъ» не только біографія литератора и оцѣнка его дѣятельности, но и картина общества его времени. Гоголь, увлеченный такимъ блистательнымъ образчикомъ историческаго таланта, считалъ возможнымъ для автора написать исторію Екатерины; но исторія потребуетъ еще многаго другого: изображенія военныхъ дѣйствій, дипломатическихъ переговоровъ, внутреннихъ преобразованій, экономическихъ отношеній и т. п. Самъ авторъ находилъ исполненіе такого желанія Гоголя для себя невозможнымъ. Упомянемъ еще одинъ трудъ кн. Вяземскаго: «Lettres d'un vétéran russe», цѣлью котораго было разъяснить европейской публикѣ истинный смыслъ войны 1853—55 года. Цѣль конечно не была достигнута, но авторъ представилъ образецъ благородной политической полемики. Замѣчательно, что сближаясь въ этомъ трудѣ, какъ и во многомъ другомъ, съ славянофилами, авторъ отстраняется отъ нихъ, ибо мысль о самостоятельномъ умственномъ развитіи его пугаетъ. И въ этомъ онъ остается вѣренъ преданіямъ своей молодости. Замѣчательны также писанные имъ въ эту тяжкую пору стихотворенія, въ которыхъ столько патріотическаго воодушевленія, столько сердечной скорби. Одно изъ нихъ, писанное въ Женевѣ, кончается характерическими стихами:

Ни блескъ долинъ, ни Леманъ синій
Не въ силахъ скорби обмануть:
Тѣнь Севастопольской твердыни.
Ложится саваномъ на грудь.

Оканчивая свой бѣглый очеркъ замѣчательной личности кн. Вяземскаго, не можемъ не повторить превосходной надписи къ его портрету, принадлежащей Пушкину:

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

ПАМЯТИ ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА.

Чтеніе ординарнаго академика Л. Н. Майкова.

10-го августа текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Петра Александровича Плетнева. Онъ принадлежалъ къ составу второго отдѣленія Академіи Наукъ со времени его образованія въ 1841 году и скончался 29-го декабря 1865 года. Почтить его память въ день присужденія Пушкинскихъ премій тѣмъ умѣстнѣе, что дѣятельность Плетнева относится главнымъ образомъ къ тому блестящему періоду нашей литературы, который освященъ именемъ великаго русскаго поэта.

Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ образованіе сперва въ Тверской семинаріи, а потомъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Служебная дѣятельность его была исключительно педагогическая: онъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ женскихъ институтахъ и кадетскихъ корпусахъ и профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ преподавалъ тѣ же предметы Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу и другимъ особамъ Царскаго дома. На литературное поприще онъ выступилъ стихотворными опытами, а затѣмъ обратился къ трудамъ по литературной критикѣ и исторіи новой русской словесности.

Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій: онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями. Онъ просто былъ человѣкъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хоро-

шимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образованіе онъ пріобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ; вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. «Теорія у меня», говорилъ онъ, — «не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ». Критика Плетнева служила только отраженіемъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринимала его душа при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У васъ», писалъ ему Гоголь, — «много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства».

Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединялась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружественною простотой его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству. Онъ зналъ Карамзина въ послѣдніе годы его жизни; онъ пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Крылова и князя Вяземскаго, а къ Гнѣдичу, Дельвигу и Баратынскому находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Жуковскому, Пушкину и Гоголю онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, всегда готовымъ на одолженіе и помощь. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина прекрасно выражено то, чего всѣ близкіе къ Плетневу люди не могли не признавать въ немъ —

душп прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.

Тургеневъ находилъ нѣсколько неяснымъ значеніе второго изъ приведенныхъ стиховъ, но онъ же прибавлялъ, что стихъ этотъ «въ самой своей неясности вѣрно характеризуетъ то нѣчто неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ». Подъ *святою мечтою* очевидно нужно разумѣть то идеальное созерцаніе жизни, ту вѣру въ человѣчество и въ будущее, которыя были присущи Плетневу. Эту высокую черту его нравственнаго характера справедливо указалъ одинъ изъ его немногихъ друзей, понынѣ здравствующій. «Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія», говоритъ тотъ же почтенный другъ Плетнева, — «облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое было главною цѣлью его жизни». Столь же вѣрный идеалу добра и истины, какъ любви къ прекрасному, Плетневъ выработалъ себѣ характеръ, въ которомъ благодушіе не исключало твердости и независимости. «Ни для какихъ благъ въ мірѣ»—скажемъ еще словами Я. К. Грота — «онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно».

Цѣльность нравственнаго характера Плетнева объясняетъ многое въ его литературной дѣятельности. Положительныя, отрадныя явленія въ литературѣ всегда больше привлекали его вниманіе, чѣмъ отрицательныя, дурныя. «Братъ Плетневъ, не пиши *добрыхъ* критикъ! будь зубастъ и бойся приторности!» писалъ ему Пушкинъ въ 1825 году, когда Плетневъ еще занимался разборомъ текущихъ явленій словесности. Но Плетневъ былъ не въ состояніи послѣдовать этому совѣту; онъ всегда чуждался полемики, не старался навязывать свои мнѣнія другимъ и не стремился обличать то, что̀ считалъ ошибочнымъ въ чужихъ сужденіяхъ. «Вообще», говорилъ онъ, — «я или очень гордъ, или очень хладнокровенъ; потому что всякое вознагражденіе нахожу у себя только въ сердцѣ, будучи убѣжденъ, что въ умѣ другого нѣтъ истины для оцѣнки моихъ словъ и мыслей, которыя, являясь

отрывчато, никогда не доставятъ постороннему лицу возможности взвѣсить мое цѣлое». Поэтому-то еще при жизни Пушкина Плетневъ предпочелъ удалиться съ поля литературной борьбы, послѣ того какъ въ литературѣ обнаружились новыя, мало сочувственныя ему теченія. Правда, послѣ смерти поэта Плетневъ рѣшился продолжать начатый имъ «Современникъ», но журналъ этотъ въ его рукахъ мало принималъ участія въ новомъ литературномъ движеніи.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе рѣдѣлъ прежній кругъ писателей. Года черезъ три по смерти Пушкина пріѣхалъ въ Петербургъ Баратынскій послѣ многолѣтняго отсутствія и посѣтилъ между прочимъ Плетнева, но не засталъ его дома. «Мой добрый, мой милый Плетневъ», разсказывалъ потомъ этотъ нежданный дорогой гость, — «часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился — ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать *вдвоемъ*. Не правда ли, что этотъ зовъ — цѣлая характеристика? Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ: «Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе: все есть, чего я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ». Уже въ эту пору умственный взоръ Плетнева былъ обращенъ къ прошлому, и такимъ остался онъ до конца своей жизни. «Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ», замѣчалъ князь Вяземскій, — «не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда».

Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ этотъ періодъ добровольнаго отчужденія Плетнева отъ новаго движенія былъ для него періодомъ умственнаго застоя. Не отъ новыхъ идей сторонился онъ, а только отъ новыхъ дѣятелей. Самъ по себѣ, онъ съ прежнимъ интересомъ продолжалъ слѣдить за литературой и едва-ли не болѣе прежняго расширилъ кругъ своего чтенія. Нечего и прибавлять, что связи его со старшимъ поколѣніемъ писателей сохранялись въ прежней силѣ. Но всего важнѣе то, что въ эту

позднюю пору своей жизни онъ нашелъ въ себѣ силы для новыхъ трудовъ, которые и составляютъ его лучшее литературное наслѣдіе.

Въ своемъ университетскомъ преподаваніи Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на обзорѣ словесности текущаго вѣка. «Въ чтеніяхъ объ исторіи русской литературы», говорилъ онъ о своихъ лекціяхъ, — «интереснѣйшее начинается съ Державина — не юноши, а старика. Я почти засталъ его въ эту эпоху. Находясь въ связи со всѣми изъ лучшихъ дѣйствователей, я очень живо сохраняю все, чтó касается до фактовъ». Въ университетскую аудиторію Плетневъ являлся съ томикомъ того или другого изъ русскихъ писателей Екатерининскаго или Александровскаго времени, начиналъ читать изъ него отрывки и сопровождалъ ихъ замѣчаніями эстетическими и историческими, порою даже анекдотическими разсказами. Это былъ живой комментарій къ произведеніямъ новой русской литературы, которыя создавались на глазахъ самого толкователя, или о происхожденіи которыхъ до него дошло свѣжее преданіе. Тотъ же пріемъ разработки литературнаго преданія Плетневъ перенесъ и въ свои сочиненія позднѣйшаго времени. При составленіи отчетовъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ ему не разъ приходилось говорить о писателяхъ старой школы, бывшихъ еще членами Россійской Академіи: характеристики ихъ Плетневъ дѣлалъ большею частью на основаніи своихъ собственныхъ воспоминаній, не преувеличивая заслугъ второстепенныхъ дѣятелей, но и не пренебрегая заботой дать нѣсколько точныхъ свѣдѣній о лицахъ, память о которыхъ могла бы исчезнуть безслѣдно. Смерть Крылова въ 1844 году дала Плетневу поводъ написать большую статью о жизни и сочиненіяхъ знаменитаго баснописца. Біографъ даетъ въ ней ясное и точное понятіе о своеобразной личности Крылова, живыми чертами оттѣняетъ всѣ стороны его сложнаго характера и прекрасно объясняетъ ходъ его развитія изъ общественныхъ условій той среды, въ которой Крылову пришлось жить. Тонкій психологическій анализъ соединяется здѣсь

съ богатствомъ историческихъ и бытовыхъ подробностей и съ вѣрною и отчетливою оцѣнкой произведеній Крылова. Въ томъ осторожномъ, но мѣткомъ выборѣ выраженій, которыми біографъ обозначилъ темныя стороны въ личномъ характерѣ баснописца, Плетневъ показалъ себя большимъ мастеромъ повѣствовательнаго изложенія. По всѣмъ этимъ достоинствамъ его статья должна быть признана однимъ изъ немногихъ образцовыхъ произведеній въ нашей біографической литературѣ.

Вслѣдъ за статьей о Крыловѣ Плетневъ намѣревался написать такіе же очерки о Карамзинѣ и Жуковскомъ. Озабочиваясь собираніемъ матеріаловъ для этихъ трудовъ, онъ искалъ свѣдѣній о юности историографа, а Жуковскаго побуждалъ къ составленію своихъ воспоминаній. Но авторъ «Свѣтланы» рѣшительно отказался послѣдовать этому предложенію, а въ семьѣ Карамзина Плетневъ не встрѣтилъ сочувствія своему намѣренію. Отъ исполненія его пришлось отступиться, и только по смерти Жуковскаго въ 1852 году Плетневъ имѣлъ возможность составить очеркъ его жизни и сочиненій. Благодушная натура біографа, созвучная, такъ сказать, натурѣ поэта, особенно благопріятствовала успѣшному исполненію этой задачи. Правда, по обстоятельствамъ времени не во власти Плетнева было дать своему очерку необходимую полноту; о многихъ событіяхъ, существенно важныхъ въ жизни Жуковскаго, онъ долженъ былъ ограничиться только намеками. Но даже стѣсненный въ этомъ отношеніи, онъ нашелъ въ своихъ воспоминаніяхъ и перепискѣ драгоцѣнные матеріалы для изображенія личности Жуковскаго и такимъ образомъ могъ намѣтить по крайней мѣрѣ главныя черты для его вѣрной характеристики.

Живя въ воспоминаніяхъ прошлаго и переработывая ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, Плетневъ и въ позднѣйшіе годы своей жизни не терялъ изъ виду новыхъ явленій въ области изящной словесности и даже порой высказывалъ о нихъ свое сужденіе въ печати. Одинъ изъ первыхъ онъ понялъ и оцѣнилъ удивительное дарованіе Гоголя и навсегда остался его горячимъ почитателемъ.

Тотъ же критикъ, который въ свои молодые годы восторженно привѣтствовалъ появленіе «Кавказскаго Плѣнника», написалъ въ 1842 году замѣчательный разборъ «Мертвыхъ Душъ» и въ немъ защищалъ право художника изображать въ своихъ созданіяхъ неприкрашенную дѣйствительность жизни. Впослѣдствіи онъ призналъ достоинство талантовъ новаго литературнаго поколѣнія, развившагося уже подъ вліяніемъ Гоголя. «Горькая Судьбина» Писемскаго и «Гроза» Островскаго нашли себѣ въ Плетневѣ сочувственнаго цѣнителя. Выставляя на видъ достоинства этихъ произведеній со стороны воспроизведенія въ нихъ жизни и глубокаго анализа души человѣческой, онъ указывалъ на драмы Писемскаго и Островскаго какъ на произведенія, вполнѣ достойныя академическихъ премій. Произнося это сужденіе, Плетневъ доказалъ, что и въ преклонныхъ лѣтахъ онъ въ полной свѣжести сохранилъ то чувство изящнаго, которое воспиталъ въ себѣ въ молодые годы, когда видѣлъ во всемъ блескѣ разцвѣтъ художественной дѣятельности Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Сужденіе Плетнева какъ бы установляло осязательную связь между тѣмъ временемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ русскаго поэтическаго творчества.

Съ своей стороны, и новое литературное поколѣніе всегда съ уваженіемъ относилось къ этому достойному представителю минувшей славной эпохи. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ молодежью по своимъ обязанностямъ профессора и ректора университера, Плетневъ любилъ угадывать среди нея будущихъ писателей. Еще на страницахъ своего «Современника» онъ называлъ имена двухъ даровитыхъ питомцевъ С.-Петербургскаго университета. Одинъ изъ нихъ — знаменитый впослѣдствіи авторъ «Дворянскаго Гнѣзда», другой — поэтъ «Двухъ міровъ». Оба они сохранили въ своихъ сочиненіяхъ свѣтлую память о своемъ почтенномъ наставникѣ. Романистъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ и въ теплыхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его личность. Поэтъ изобразилъ Плетнева въ слѣдующихъ стихахъ:

За стаею орловъ Двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный, между насъ, задумчивый ты бродишь,
И прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.